

Н. Абдалтаджедини

**ТОПОНИМЫ-ИРАНИЗМЫ В «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ»
И ПИСЬМАХ А. С. ГРИБОЕДОВА:
К НОРМЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИИ КАВКАЗА XIX В.**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Статья посвящена сравнительному рассмотрению вариантов написания трех топонимов-иранизмов в путевых записках и письмах А. С. Грибоедова и географических картах XIX в., изданных в России. Подчеркивается возможность привлечения источников литературного происхождения при изучении исторического формирования нормы картографической топонимики. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, картографическая топонимика, иранизм, путевые заметки, норма картографической топонимики.

**TOPONYMS OF IRANIAN ORIGIN IN A. S. GRIBOEDOV'S "TRAVEL NOTES" AND LETTERS:
TO THE NORM OF CARTOGRAPHIC TOPONYMY OF THE CAUCASUS OF THE 19th CENTURY**

N. Abdaltajedini

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is devoted to a comparative examination of variants of writing the three names of the Iranian loanwords in A. S. Gribojedov's travel notes and letters and geographical maps of the 19th century, published in Russia. It emphasizes the possibility of drawing on sources of literary origins in the study of historical formation of cartographic toponymy norms. Refs 22.

Keywords: Aleksander Gribojedov, iranism, cartographic toponymy, travel notes and letters, norm of cartographic toponymy.

А. С. Грибоедов по делам дипломатической службы, относящимся к Персии, большое время проводил в разъездах: основные маршруты поэта и дипломата проходили через Кавказ, раздираемый в течение всего XIX в. военными и политическими конфликтами [1, с. 194–216].

Свои наблюдения за жизнью, бытом и нравами местного населения, замечания о природе Кавказа и Персии, особенностях поселений, их названий и расположении А. С. Грибоедов достаточно подробно отражал в путевых записках и письмах, которые сохранились, изданы и могут служить интересным материалом [2, с. 16] для исследования малоизученного с точки зрения исторической лексикологии явления — **нормы картографической топонимики.**

По общему определению, «картографическая топонимика (cartographic toponymy) — раздел картографии, изучающий географические названия, или географические наименования, топонимы, их происхождение, смысловое значение и правила передачи на картах» [3]. Правила же написания топонимов в связи с нормами и законами литературного языка изучает и во многом регламентирует лингвистическая топонимика — раздел языкознания, объектом которого, как известно, и являются наименования различных географических объектов [4, с. 5].

Очевидно, что во времена дипломатической службы А. С. Грибоедова (1818–1829) норма написания топонимов Кавказа и Персии по ряду объективных причин еще не сложилась, хотя российские карты этого региона существовали, и, видимо, их было достаточно много. Однако ими пользовались прежде всего военные, так

как вся официальная картографическая деятельность в Российской империи со времен Петра I была сосредоточена в военном ведомстве [5, с. 7]. Так, действовавшие к тому времени сначала Депо карт (с 1796 г.), а затем и Военно-топографическое депо (с 1812 г.), учреждения военно-топографической службы при военном министре Российской империи видели свое основное назначение в съемке и обозначении на карте четкого рельефа местности, а также географических (политических) границ различных областей и территорий [6].

Интересующие нас топонимы этого края, по большей части персидского происхождения, фиксировались с точки зрения правописания чрезвычайно вариативно и разнообразно: фонетико-графическая обработка исконно персидского слова, получившего к тому же соответствующую обработку в языке местного населения, имеет целый ряд различных фиксаций в картах, созданных в разное время разными составителями.

В нашем распоряжении оказались три географические карты XIX в., отражающие основной маршрут Грибоедова-дипломата. В этой связи интересным оказывается сравнение написаний одних и тех же географических объектов в личных записях Грибоедова, поэта и музыканта (что немаловажно, если учесть, что часто топоним воспроизводился на основе слухового восприятия местного произношения), и официальных картах того времени, созданных военными, историками, картографами.

Первая карта составлена известным картографом, начальником топографического отделения канцелярии генерал-квартирмейстера, генерал-майором А. И. Хатовым в 1818 г. [7] (далее — К1). Примечательно, что она совпадает по времени своего составления с началом дипломатической службы А. С. Грибоедова на Кавказе и Персии. Причем А. И. Хатов — автор известных «Правил и руководства при вычерчивании и надписывании карт и планов» (1831) [8, с. 285–286], что придает этому материалу и в языковом плане статус некоего картографического стандарта.

Вторая карта была издана в 1823 г. С. М. Броневским, известным историком Кавказа, участником русско-персидской войны 1796 г. [9] (далее — К2). Автор фундаментального труда «Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времён Ивана Васильевича донныне», С. М. Броневский более определенно, чем А. И. Хатов, «утверждает» границы и, что более важно для нас, названия местностей в соответствии с уже устоявшимися к этому времени «канонами»: после Гюлистанского мирного договора 1813 г. русско-персидские отношения характеризуются некоторой стабильностью, А. С. Грибоедов на время покидает службу, до русско-персидской войны 1826 г. — три вполне мирных года в регионе.

Третья карта издана в конце XIX в. известнейшим историком Кавказа В. А. Потто и представляет собой в полной мере официальное картографическое описание той же местности с учетом пересмотра границ и владений российского государства согласно Туркманчайскому мирному договору (1828 г.), основные позиции которого были разработаны в том числе и А. С. Грибоедовым [10] (далее — К3).

В аспекте «поиска» топографической нормы написания трех известных топонимов иранского происхождения рассмотрим контексты с их употреблением в дневниках и письмах А. С. Грибоедова и указанных картах Кавказа.

Известный современный топоним (хороним) *Карабах* передан в дневниках и записках А. С. Грибоедова вариативно в различных словоформах: и с конечным *з*,

и с конечным *х*. Персидское написание его таково: *قاراباغ* [Qarabāḡ], в конце этого слова, как явствует из транскрипции, присутствует звук [ʏ]:

- *Онъ хотѣлъ, чтобы мы отступили къ Карабагу, а онъ — въ Тавризь* (ПЗ: Лагерь при селении Карабабы, 259)¹;
- *Между тем грузин или мусульманин из Ширвани, Карабага и проч.* [12];
- *Этотъ способъ приобрести довѣріе въ чужомъ народѣ и мнѣ извѣстенъ, — жаль, что я одинъ это понимаю во всей Персіи; такъ я дѣйствовалъ противъ турокъ, такъ и въ Карабахъ, и прошлаго года* (ПЗ: Лагерь при селении Карабабы, 264).

Можно предположить, что при восприятии этого хоронима в речи на конце перед гласным заднего ряда А. С. Грибоедов отчетливее слышит звонкий заднеязычный и передает его буквой *г* (*Карабага, Карабагу*), а перед гласным переднего ряда — глухой, что фиксирует на письме буквой *х* (*Карабахъ*). Написание этого хоронима в грамматической форме местного падежа отлично от того, что дается, например, у Н. Ф. Дубровина, писавшего о тех же событиях, но чуть позже:

- *Власть хана в Карабаге объявлена уничтоженною и жители приняли это известие с большою радостью* [13].

Таким образом, в конце слова персидская заднеязычная фонема [ʏ] — согласный звонкий фрикативный увулярный, как уже отмечалось ранее [14, с. 27], в абсолютном конце слова произносится как звук, близкий русскому заднеязычному согласному [x], что передается А. С. Грибоедовым (и это особенно интересно) лишь в двух формах — местном и винительном падежах имени *Карабах* [15].

В рассматриваемых картах этот хороним дается в сочетании с наименованием политического статуса территории, поэтому предстает в форме прилагательного с характерным суффиксом *-ск-*: K1 — *Ханство Карабахское*; K2 — *Ханство Карабагское*; K3 — *Ханство Карабахское*.

В одном из редких случаев встречаем и у А. С. Грибоедова написание *Карабахский* с *х*:

- *Вид Нахичеванской долины, к северу-востоку Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания* [16].

Интересно, что лишь С. М. Броневский (K2) не производит на письме мену звонкого *г* на глухой *х* перед стечением глухих согласных суффикса *-ск-*. Как и С. М. Броневский, последователен в таком написании хоронима известный исследователь Кавказа, востоковед и археолог А. П. Берже:

- *Прямым и важнейшим последствием его была уступка навсегда России ханств: Карабагского, Шекинского, Ганджинского* [17];
- *Но выше всех по красоте и по происхождению стояла очаровательная Ага-бегум-Ага, дочь Ибрагим-хана Карабагского* [18].

Написание названия ущелья (перевала) *Дарьял* также неоднородно в наших источниках. Оно интересно прежде всего с позиции передачи на письме долгих и кратких гласных, имеющих в фонетической системе персидского языка [14, с. 28]. Перс. *الی‌دار* [dāryāl] в «Путевых заметках» (Моздок — Тифлис) А. С. Грибоедова последовательно передается следующим образом — *Даріель*: здесь персидский начальнѣй

¹ Здесь и далее — текстовые иллюстрации из «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ) [11].

долгий [ā] всегда имеет аналогию в русском топониме в виде фонемы [a], в последнем же слоге — в виде [e], причем в ударной позиции перед гласным переднего ряда [i] < [y]:

- *Руины на скаль. Выъздъ изъ Дариеля* (ПЗ: Отъ Моздока до Тифлиса, 31);
- *Проломъ отъ пороха. Дариель* (ПЗ: Отъ Моздока до Тифлиса, 31).

Примечательно то, что А. С. Грибоедов при написании (и, видимо, при произношении) этого топонима всегда смягчает конечную согласную; подобным же образом фиксирует этот топоним и карта А. И. Хатова (К1). На картах же С. М. Броневского (К2) и В. А. Потто (К3) присутствует написание этого топонима без смягчения [л]: напр.: *Дариаль* (К2). Следует отметить, что во всех трех картах, в отличие от грибоедовского написания, имеем последовательно и неукоснительно соблюдаемый переход долгого гласного персидского языка [ā] > рус. [a], причем в обоих слогах — и первом, и последнем, вне зависимости от ударения и предшествующего звука: *Дариаль* (К1), *Дариаль* (К2), *Дарьял* (К3).

И вновь здесь возможно предположение о том, что А. С. Грибоедов, обладающий тонким музыкальным слухом, «услышал» в последнем слоге дифтонгическое (по сути) звучание двух гласных переднего ряда [ya > ie], соположенных друг другу и по ряду, и по подъему, и отразил этот «перекат» гласных при помощи сочетания кириллических букв **ie**: *Дариель*.

Интересны случаи смягчения конечного согласного, которые отмечаются А. С. Грибоедовым на письме и в другом топониме — названии города и области *Нахичевань*. Перс. *ناخچوان و نخچوان* [naχʃavān] в записках и письмах А. С. Грибоедова почти повсеместно (за редким исключением) дается с мягким конечным:

- *Нахичевань. 9-го февраля* (1819) [19].

Первые две из рассматриваемых карт, более ранние и более близкие А. С. Грибоедову по времени, дают устойчивое написание с твердым конечным согласным, подтвержденным на письме постановкой буквы **ѣ** в конце слова: *Нахичеванѣ* (К1), *Нахичеванѣ* (К2). Последняя (К3), изданная в конце XIX в., демонстрирует смягченное, «грибоедовское» и современное написание: *Нахичевань*.

Подобную же картину наблюдаем при сравнении написания области *Ширван*: во всех трех рассматриваемых картах дан «твердый вариант» этого топонима (К1, К2, К3: *Ширванѣ*), совпадающий и с современным его написанием кириллицей. В записках и письмах А. С. Грибоедова встречаем оба варианта, правда с преобладанием «мягкого»: *Ширвань*. В персидском языке, как известно, мягкий согласный отсутствует.

Совершенно очевидно, что во времена А. С. Грибоедова не существовало сколько-нибудь твердых указаний по нормализации написаний иноязычных топонимов, получавших отражение в русских географических картах: процесс формирования картографической нормы дольше и сложнее, нежели в иных профессиональных сферах. Бурно развивающаяся Российская империя в середине XIX в. осваивала огромное количество иноязычной лексики, в ряду которой топонимия любого присоединенного к России региона имела для общерусского применения периферийное значение и не носила судьбоносного характера.

Вопросы стандартизации картографической топонимики стали всерьез обсуждаться намного позднее [20, с. 6], причем знаменательно, что в практике российской «топографической политики» декларируется чрезвычайно важный принцип: при

установлении признака точности и правильности написания того или иного топонима ориентируются не только на законы литературного языка, но и на особенности местного наречия, языковые особенности населения, проживающего на соответствующих территориях [21; 22, с. 38], а также, что примечательно для нашей темы, ориентируются на разножанровые письменные источники, в том числе и на «путевые заметки, мемуарные описания, материалы путешественников» [2, с. 16]. В этом смысле затронутая тема может быть расширена как материалом, так и хронологическими рамками, что приблизит к пониманию основных принципов становления русской картографической нормы по части топонимики.

Литература

1. *Мещеряков В. П.* Жизнь и деяния Александра Грибоедова. М.: Современник, 1989. 476 с.
2. *Басик С. Н.* Общая топонимика: учеб. пособие для студентов географического факультета. Минск: БГУ, 2006. 200 с.
3. *Кошкарев А. В.* К очередной публикации толкового словаря по геоинформатике. URL: www.library.boom.ru (дата обращения: 16.06.2014).
4. *Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
5. *Глушков В. В.* Становление и развитие военной картографии в России (XVIII — нач. XX в.): автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2003. 60 с.
6. Военно-топографическое депо (1812—1863) / РГВИА. URL: <http://libinfo.org/index> (дата обращения: 16.06.2014).
7. *Хатов А. И.* Генеральная карта земель между Чёрным и Каспийским морями с нанесением новой границы между Россией и Персией масштаба 55 вёрст в дюйме. URL: <http://pravo.traditio-ru.org> (дата обращения: 16.06.2014).
8. Русский биографический словарь: Фабер — Цявловский / ред. А. А. Половцев. СПб., 1901. Т. XXI. С. 285–286.
9. *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. М., 1823. Ч. I. С. 385.
10. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб.; Тифлис: Тип. Е. Евдокимова, 1887–1899. Т. II. С. 573.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.06.2014).
12. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений: в 3 т. Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Акад. наук, 1911–1917. Т. III.
13. *Дубровин Н. Ф.* Биография А. П. Ермолова (1861–1869). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2014).
14. *Абдалтаджедини Н.* К фонетико-графической адаптации некоторых топонимов-иранизмов в «Путевых заметках» и письмах А. С. Грибоедова // Вестн. Пермск. ун-та. 2014. Вып. 2(26). С. 26–31.
15. Словарь языка А. С. Грибоедова. URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 06.08.2014).
16. *Грибоедов А. С.* Эриванский поход (1827). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2014).
17. *Берже А. П.* Посольство А. П. Ермолова в Персию // Русская старина. 1877. С. 257.
18. *Берже А. П.* Фетх-Али-Шах и его дети // Русская старина. 1886. С. 554.
19. *Грибоедов А. С.* Путевые письма к С. Н. Бегичеву (1819). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.04.2014).
20. *Мурзаев Э. М.* Слово на карте: Топонимика и география. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.
21. *Афанасьев О. Е.* Картография и топонимика: методология регионального подхода к изучению. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kartografiya> (дата обращения: 16.06.2014).
22. *Подольская Н. В.* Какую информацию несет топоним // Принципы топонимики. М., 1964. С. 37–39.

Статья поступила в редакцию 9 августа 2014 г.

Контактная информация

Абдалтаджедини Нахид — аспирант; tajdini60@gmail.com

Abdaltajedini Nahid — post graduate student; tajdini60@gmail.com